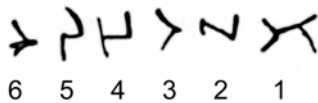
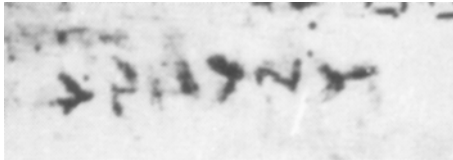

Напольских В. В. (Ижевск)

К чтению так называемой «хазарской надписи» в Киевском письме¹

Загадочная квазируническая надпись в Киевском письме в прорисовке О. Прицака выглядит следующим образом (здесь и ниже, если нет специальных ссылок, цитируется первое русское издание книги [Голб, Прицак 1997: 28, 62-65, илл. 1]):

Предложенное О. Прицаком чтение:

<i>l</i>	2	3	4	5	6
HW ₁	Q	W ₁	R ₁	W ₂	M

предусматривает следующие палеографические допущения:

1) чтение знака *l* как лигатуры н (семитская буква по О. Прицаку) + W₁ само по себе возможно только если: а) принять версию О. Прицака о том, что семитская н, встречающаяся в *поздних* <NB! – В.Н.> рукописях, выполненных тюркскими рунами, могла применяться и хазарами; б) допустить, что здесь мы имеем *уникальный* случай употребления семитской буквы н в её *звуковом*, а не цифровом значении (ср. у О. Прицака: “знак *he* был использован здесь <в рукописях, выполненных тюркскими рунами – В.Н.> только в своём семитском числовом значении как цифра пять”); в) поверить в возможность существования *лигатуры* в надписи, выполненной древнетюркской руникой в принципе, и гибридной семитско-тюркской лигатуры HW₁ в особенности – сам О. Прицак других примеров именно такой лигатуры не приводит (их и не существует), а его отсылка к существованию «лигатур» в тюркской рунике не слишком убедительна: были ли настоящими *лигатурами* (т. е. знаками, полученными в результате *слияния двух графем*) так называемые «лигатуры» тюркского рунического письма (LD, RD и др. знаки для часто встречающихся звукосочетаний, которые упоминает О. Прицак) – проблема; во всяком случае, эти знаки принадлежат кодифицированному руническому алфавиту и их существование никак не создаёт оснований для возможности конструирования новых «нестандартных» лигатур (см. [Щербак 2001: 62-63]). Важно и то, что, во всяком случае, принятие чтения О. Прицака предполагает обязательное наличие звука **h-* в написанном слове (см. ниже);

2) чтение знака *4* может быть принято только, если принять версию о «зеркальном» написании R₁ в данном случае, возможность чего сам О. Прицак не подтверждает никакими конкретными примерами – по всей вероятности потому, что таких примеров нет и *быть не может*: хотя некоторые знаки тюркского рунического письма действительно могли иметь «зеркальные» варианты, в отношении R₁ это едва ли было возможно, так как в таком случае знак R₁ практически совпадал бы со знаком W₂;

3) что касается знаков *3* и *5*, здесь важно, что во втором слове (знак *3*) гласный звук **-и-* в тюркской рунике не обозначался или обозначался весьма редко [Щербак 2001: 56-57], а гласный в окончании прошедшего времени типа **-dlm* (знак *5*) не обозначался практически

¹ Благодарю С. Г. Кляшторного за полезное обсуждение и уточнение текста данной заметки.

никогда. Почему оба этих знака вдруг оказались выписаны в данной надписи – полная загадка, которую О. Прицак даже не обсуждает (замечу в скобках, что именно О. Прицаку принадлежит гипотеза о слоговом характере древнетюркского рунического письма, исходя из которой подобное выписывание гласных выглядит тем более бессмысленным!);

4) знак 5 очень мало похож на W_2 – эта буква писалась обычно скорее как знак 4;

5) знак 6 не имеет аналогов среди известных вариаций рунической буквы м. На чём основано чтение О. Прицака в данном случае – совершенно непонятно.

Таким образом, палеографически чтение, предложенное О. Прицаком выглядит крайне слабо. При таком количестве натяжек и допущений можно прочитать данную надпись с помощью практически любого алфавита и на любом языке. Для наглядности приведу здесь варианты того, как искомое слово (**okurum* ‘(я) прочёл’) должно было бы быть на самом деле написано с помощью древнетюркского рунического алфавита:

А				
↗	Ч	↓	➤	
4	3	2	1	
1	2	3	4	
W ₁	QU	R ₁	M	

В				
↗	Ч	П	➤	
4	3	2	1	
1	2	3	4	
W ₁	Q	R ₁	M	

Насколько эти варианты напоминают надпись в Киевском письме – судите сами.

Вытекающая из чтения О. Прицака реконструкция: **hoqurüm* ‘(я) прочёл’ предусматривает:

1) начальный звук **h-*, происхождение которого О. Прицак пытается весьма путано объяснить (само это объяснение с диковинным семантическим сопоставлением кит. *fǎ* ‘система, модель, закон’ и тюр. **qut* ‘душа, жизненная сила; достоинство, счастье’ нуждается в отдельном критическом обзоре), имея на деле в виду, видимо, отражение раннепратюркского (праалтайского ?) **p-* через *h-* как в монгольском и (по Г. Дёрферу) в халаджском языках: алт. **p-* > мо., халадж. **h-* / в тюркских языках кроме халаджского **Ø-*. Возможность сохранения следа старого **p-* > **h-* в хазарском языке по «халаджскому» типу в принципе исключать нельзя, хотя никаких *доказательств этого у нас нет* (приводимое О. Прицаком венг. (1336 г.) *hükär* ‘бык’ < булг. **ökür*, если и существует на самом деле, скорее всего представляет собой *hарах*, где *h-* возможно имеет чисто книжное происхождение – ср. формы XII–XV вв. без какого-либо следа **h-* в [EWU: 1080]). Дело, однако, в том, что для тюр. **oqu-* / **oqi-* ‘звать, рецитировать, читать’ *нет никаких оснований* реконструировать древний **p-* > **h-* !

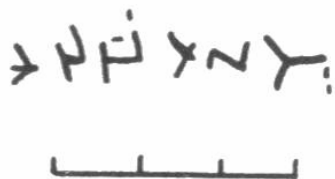
2) сугубо болгарского (точнее даже чувашского) типа форму суффикса прошедшего времени **-dīm* с завершившимся переходом **-d-* > *-r-* (**oqudīm* > **oqurum*) после гласного, что, в принципе, также возможно, но опять-таки для хазарского языка никак *не доказано*. В работе О. Прицака, на которую он в данном случае ссылается, рассматриваются известные фиксации перехода **-d-* > *-r-* в *волжско-болгарских* эпитафиях *конца XIII – XIV вв.* [Pritsak 1955: 87-88] (т. е. – формы *другого языка* и как минимум *на 350-400 лет более поздние*, чем Киевское письмо!), убеждённость же его в том, что этот переход имел место уже в хазарском языке начала X в. базируется исключительно на одном слове в его версии дешифровки знаменитой надписи на чаше из клада в Надь-Сентмиклоше [Pritsak 1955: 86, 88]. Поскольку, однако, во-первых, дешифровка надь-сентмиклошской надписи О. Прицаком – отнюдь не единственная и ни в коем случае не самая надёжная, во-вторых, речь, видимо,

идёт о надписи не на хазарском, а на аварском языке, принадлежность которого к тюркской группе и тем более особые отношения с хазарским никем и ничем не доказаны (см. обзор проблемы и наиболее удачное на сегодняшний день прочтение надь-сентмиклошской надписи как тунгусской в [Хелимский 2000: 267-277]), данный аргумент (объяснение одного неизвестного с помощью другого неизвестного) не может быть принят всерьёз;

3) самое главное – сочетание *заднеязычного* корня с *переднеязычной* огласовкой аффикса, *неизбежно* вытекающее из предлагаемого прочтения надписи и *абсолютно никак не объяснённое* О. Прицаком. Его отсылка к работе А. Зайончковского, оставшейся для меня, к сожалению, недоступной, ничего не меняет, так как речь безусловно идёт о вещах к делу не относящихся: в реальном османском языке (письменные формы могли, возможно, представлять основу для недоразумений, однако не совсем понятно, как можно было средствами арабской графики передать именно звук *-й-*, а никакой иной) как и в других огузских языках гармония гласных по ряду и огубленности должна была быть представлена во всей полноте. Существование в каком-либо древнем (с неразрушенной позднейшими влияниями фонетической системой) тюркском языке формы с вокализмом, который О. Прицак предполагает для своего **hoqurim* следует считать *даже теоретически невозможным*.

Итак, с точки зрения лингвистической реконструкция «хазарского» слова из Киевского письма, предложенная О. Прицаком и прямо вытекающая из его прочтения рассматриваемой надписи, является абсолютно надуманной и невероятной.

Немаловажен и общеисторический аспект проблемы: при наличии достаточно большого числа квазирунических раннесредневековых надписей из Восточной Европы до сих пор никому практически не удавалось не то что предложить приемлемых чтений хотя бы для какой-то их части (немногие удачные прочтения отдельных слов следует рассматривать как счастливые случайности), но и не удаётся составить сколько-нибудь системный тезаурус знаков, используемых в этих надписях и соотнести их со знаками орхоно-енисейской руники. Большинство попыток чтения этих надписей носит *сугубо гадательный характер*, и показательно, что их «читают» с равным успехом не только по-тюркски, но и, например, по-(древне)осетински [Турчанинов 1990]. На этом фоне энтузиазм О. Прицака, который ничтоже сумняшеся просто рассматривает знаки интересующей нас надписи как «тюркские руны орхонского типа», выглядит очень странно; по этому поводу можно лишь процитировать вывод А. М. Щербака: «справедливо утверждение, что *орхоно-енисейский алфавит не может быть надёжной опорой при чтении восточноевропейских рунических или рунообразных надписей*» [Щербак 2001: 83]. Не случайно чтение надписи из Киевского письма О. Прицаком уже получило негативную оценку со стороны исследователя, специально (и безуспешно) занимающегося исследованием квазирунических средневековых надписей Восточной Европы: «Предложенное им <О. Прицаком> прочтение («Н¹W¹Q¹W¹R¹W²М – я прочитал (это)») получено при помощи ряда существенных натяжек и является произвольным. Ознакомление с опубликованной фотографией текста позволяет предложить следующую прорисовку надписи (рис. 18,6).

Ясно, что она не может быть отнесена к орхонской письменности, но и уверенно причислить её к какому-либо из известных алфавитов ныне невозможно. Этому мешают специфические по облику первый, четвёртый и пятый справа знаки. Сохранность надписи не

способствует определению ее графики. Сказанное не снижает исторической значимости документа, свидетельствующего о бытовании в хазарских общинах рунической письменности” [Кызласов 1990: 65; 67].

Завершая этот краткий комментарий, могу лишь присоединиться к выводу Й. Бенцинга, хотя и сделанному по поводу другой работы О. Прицака, но абсолютно приемлемому и в нашем случае: “Man mag sich über die Zusammenstellung des Materials bei Pritsak freuen, aber die wirkliche Deutung muß auf einer anderen, festeren Basis aufgebaut werden” [Benzing 1993: 101].

Литература

- Голб Н., Прицак О. 1997. Хазарско-еврейские документы X века. Пер. с англ. В. Л. Вихновича. Ред. В. Я. Петрухин. Москва.
- Кызласов И. Л. 1990. Древнетюркская руническая письменность Евразии. (Опыт палеографического анализа). Москва.
- Турчанинов Г. Ф. 1990. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ.
- Хелимский Е. А. 2000. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. Москва.
- Щербак А. М. 2001. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы её распространения и особенности использования. Санкт-Петербург.
- Benzing J. 1993. (Rez.) Omeljan Pritsak. Die Bulgarische Fürstenliste und Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955 // *Benzing J. Bolgarisch-tschuwaschische Studien*. Hrsg. von Claus Schönig. Wiesbaden.
- EWU – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest, 1992-1993.
- Pritsak O. 1955. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren / *Ural-altaische Bibliothek*, 1. Wiesbaden.